

Дари Алекс

Ты начало – я тень

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дари Алекс

Ты начало - я тень

«Автор»

2026

Алекс Д.

Ты начало - я тень / Д. Алекс — «Автор», 2026

Она была его светом, даже не зная об этом. Он — тенью, что всегда следовала за ней, молчаливой, опасной и бесконечно преданной.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дари Алекс

Ты начало - я тень

Глава 1

Огромные окна главного здания пропускали багровый свет, который тяжелыми полосами ложился на полированный мрамор пола. В этом частичном полумраке Мальбонте казался еще более массивным и мрачным, чем обычно; его фигура сливалась с глубокими тенями, которые, казалось, жили собственной жизнью, послушно следуя за каждым его движением. Он стоял у края террасы, всматриваясь в бесконечный горизонт Ада, где бушевали огненные шторма и слышались отголоски вечных мук.

Виктория подошла к нему сзади, неслышно ступая босыми ногами по холодному камню. Она ощущала его напряжение даже на расстоянии — оно вибрировало в самом воздухе, густое и терпкое, как запах старой крови и жженого металла. Ее тонкие пальцы коснулись его лопаток, едва заметно сжимая ткань черного одеяния. Она знала, что сейчас он погружен в свои мысли, в те темные лабиринты, куда даже она боялась заглядывать слишком глубоко.

— Ты снова думаешь обо всем, — тихо произнесла она, и ее голос прозвучал неожиданно звонко в этой гнетущей тишине.

Мальбонте медленно обернулся. В его глазах вспыхнул знакомый холодный огонь, но стоило ему увидеть ее спокойное, полное нежности лицо, как черты смягчились. Он перехватил ее руку, прижимая ладонь к своей щеке и закрывая глаза. Только рядом с ней он мог позволить себе эту минутную слабость — сбросить маску жестокого правителя и просто быть собой.

— Здесь слишком шумно сегодня, — пробормотал он, глубоко вдыхая ее запах, который всегда действовал на него успокаивающе. — Ты единственное, что заглушает этот бесконечный крик.

Виктория улыбнулась и прижалась лбом к его плечу. Она чувствовала, как его тело постепенно расслабляется под ее пальцами, как уходит лишняя агрессия, которая обычно сопровождала его возвращение из тронного зала. В этом огромном замке среди пепла и серы они были двумя единственными существами, способными дарить друг другу истинный покой.

— Папа! Мама!

Гулкое эхо детских голосов разорвало интимную тишину террасы. Мальбонте вздрогнул и мгновенно отстранился, возвращая себе привычную сдержанность, но в его взгляде, когда он обернулся, уже не было мрака.

Ариэла и Каин, смеясь, бежали к ним по мраморному коридору, перепрыгивая через ступени и толкая друг друга. Маленькие босые ноги забавно шлепали по холодному камню, а полы их легких одежд развевались, словно крылья. В их смехе не было и следа той тяжести, что давила на плечи родителей; дети несли с собой живой, неугасаемый свет, который расцветал в самом сердце этого проклятого места.

— Смотрите, что мы нашли! — воскликнула Ариэла, задыхаясь от восторга. Она сжимала в руках странный блестящий камень, который переливался всеми цветами радуги, совершенно чужеродный для этого серого мира.

Каин, сбивая ее с ног, попытался выхватить находку. Мальбонте сделал широкий шаг вперед и одним легким движением подхватил сына за шиворот, оттаскивая его от сестры. На его губах появилась редкая, едва заметная улыбка.

— Хватит шуметь, — проворчал он, но в его голосе слышалась бесконечная теплота. — Вы скоро разнесете половину замка своими играми.

Виктория рассмеялась, глядя на эту картину, и почувствовала, как остатки тревоги окончательно покидают ее. Она присела на корточки перед дочерью, принимая сверкающий камень в свои ладони. Дети облепили ее со всех сторон, заваливая вопросами и жалобами друг на друга, и теперь вся терраса была наполнена их звонким многоголосием.

Мальбонте встал за спиной жены, положив тяжелые ладони ей на плечи. Он больше не смотрел вдаль на огненные шторма; всё его внимание было сосредоточено здесь, на этих маленьких существах и женщине, которая была центром его вселенной. В этот момент тень отступила, оставляя место только для семьи.

Тишину семейного момента нарушил резкий звук приближающихся шагов. Из глубины коридора появился заместитель, его лицо выражало крайнюю степень смущения и легкую тревогу. Он остановился в нескольких метрах от них, склонив голову в почтительном, но поспешном поклоне.

— Мой господин, прошу простить за беспокойство, — начал он, стараясь не смотреть детям в глаза. — Но у главного входа появились гости. Они настаивают на встрече.

Мальбонте нахмурился, и тени вокруг него снова сгустились, откликаясь на смену настроения хозяина. Он не любил незапланированных визитов, особенно когда они прерывали его редкие минуты покоя с семьей.

— Кто это? — коротко бросил он, и в голосе снова зазвучали властные, холодные нотки.

— Люцифер и Мими, господин. Они говорят, что прибыли с дружественным визитом.

Лицо Виктории мгновенно просветлело. Она с радостным возгласом вскочила на ноги, едва не выронив радужный камень, который тут же перекочивал в карман ее платья.

— Мими! — воскликнула она, сияя от восторга. — Неужели они действительно здесь?

Мальбонте тяжело вздохнул, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на понимание. Он знал, как много значит для жены эта дружба, и насколько сильно она скучала по подруге.

— Пойду встречу этого прохвоста, — проворчал он, хотя в глубине души и сам был рад видеть старого друга. — Ариэла, Каин, ведите себя прилично. Это не время для ваших игр с камнями.

Дети согласно закивали, хотя в их глазах уже разгоралось любопытство. Виктория поспешно поправила платье и, взяв мужа за руку, пошла вслед за ним по длинному мраморному коридору, предвкушая встречу с той, кого не видела слишком долго.

Мальбонте шел вперед, уверенно и властно, а Виктория едва поспевала за ним, стараясь удержать его руку в своей. По коридорам замка разносилось эхо их шагов, смешиваясь с далеким шумом Ада, который теперь казался менее угрожающим. Впереди, в конце галереи, виднелись массивные створки главных ворот, за которыми уже ждали их гости.

Когда двери распахнулись, Люцифер, облокотившись на колонну, с привычной насмешкой обвел их взглядом. Рядом с ним Мими, вся в легком шелке, буквально засияла, увидев Викторию. Она тут же оттолкнулась от стены и стремительно направилась навстречу подруге, раскинув руки для объятий.

— Виктория! — воскликнула она, едва сдерживая смех. — Ты выглядишь так, будто действительно умудрилась превратить это мрачное место в уютный дом.

Виктория с радостным всхлипом бросилась к ней, и две женщины утонули в крепких объятиях. Мальбонте остановился в стороне, скрестив руки на груди и скептически наблюдая за этой сценой. Его взгляд встретился со взглядом Люцифера — безмолвный диалог двух сильных личностей, в котором не было места лишним словам.

— Всё так же хмуришься, старый друг, — протянул Люцифер, медленно поднимаясь на ноги. — Неужели семейная жизнь лишила тебя чувства юмора?

— Или ты просто не умеешь вовремя замолчать, — отозвался Мальбонте, но в его голосе больше не было враждебности. Он сделал приглашающий жест рукой, указывая гостям дорогу дальше вглубь замка. — Пойдемте. Виктория хотела показать вам детей.

Мими, всё еще держа Викторию под руку, восторженно щебетала о том, как долгое время они не виделись и сколько новостей накопилось. Виктория смеялась вместе с ней, чувствуя, как напряжение последних дней окончательно покидает ее тело. Она бросила короткий взгляд на мужа и увидела, что он едва заметно улыбается, глядя на нее с той тихой любовью, которую открывал только ей одной.

Они зашли в просторный зал, где дети, завидев гостей, с радостными возгласами бросились навстречу. Ариэла и Каин, забыв о всех запретах, вцепились в Мими, которая с восторженным писком подхватила их обоих на руки, едва удерживая равновесие. Люцифер с легкой усмешкой наблюдал за этой сценой, засунув руки в карманы и с интересом разглядывая наследников Мальбонте.

— Боги, как они выросли! — воскликнула Мими, прижимая детей к себе и смеясь в их покрасневшие лица. — Просто копия своих родителей, только куда более очаровательны.

Люцифер, не дожидаясь приглашения, извлек из-за пазухи несколько ярко упакованных коробок, перевязанных золотистыми лентами. — Ну-ка, отпустите ее, разбойники. Посмотрите, что мы привезли из верхнего мира.

Дети с жадным любопытством начали разрывать оберточную бумагу, обнаруживая внутри удивительные игрушки: резные деревянные солдатики с живыми глазами и маленькую механическую птицу, которая тут же начала петь чистым, мелодичным голосом. Зал наполнился детским смехом и восторженными возгласами — звуками, которые редко посещали эти мрачные стены.

Виктория, облокотившись на плечо мужа, с теплотой наблюдала за происходящим. Мальбонте молчал, но его взгляд стал мягким; он позволил детям окружить себя, не пытаясь вернуть их к дисциплине. В этот момент даже суровый правитель Ада казался обычным отцом, который был бесконечно горд своими детьми и женщиной рядом с ним.

Мими тем временем устроилась на широком диване вместе с детьми, засыпая их рассказами о далеких странах и чудесах, которые невозможно было представить в их извечном сумраке. Люцифер подошел к Мальбонте и Виктории, протягивая им бутылку редкого вина.

— За встречу и за то, чтобы в этом месте стало чуть больше света, — произнес он с искренней улыбкой.

Виктория приняла бокал и легко коснулась губами края, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло. Она взглянула на мужа и увидела в его глазах отражение этого тепла — мгновение абсолютного покоя среди бесконечной тьмы.

Когда дети, наконец, утомились от игр и бесконечных рассказов Мими, Виктория мягко увела их в спальню. Проводив их до дверей и убедившись, что оба ребенка крепко спят, она вернулась в гостиную, где Люцифер и Мальбонте вели неспешную беседу, изредка прерываемую смехом Мими.

— Они растут слишком быстро, — заметила Виктория, устраиваясь в кресле рядом с подругой и принимая из ее рук бокал вина. — Кажется, только вчера Каин пытался съесть свой первый деревянный кубик.

Мими сочувственно улыбнулась, обнимая подругу за плечи. — Это самое прекрасное и самое пугающее время. Ты даже не представляешь, как мне не хватало твоих историй о том, как они растут в себе маленьких разбойников.

Разговор перетек в более личное русло. Обсуждая быт и мелкие неурядицы жизни в замке, женщины постепенно забыли о времени и о том, что за окнами всё так же бушуют огненные шторма. Мальбонте, обычно не терпящий лишнего шума, сегодня был необычайно снисходителен; он молча слушал их перепалки, изредка вставляя короткие, но точные комментарии.

Позже, когда вино закончилось, а вечер начал клониться к завершению, Люцифер с неохотой поднялся с дивана.

— Придется нам закругляться. Завтра у меня столько дел в верхнем мире, что даже мысль о них заставляет меня похмелиться заранее, — он иронично подмигнул Виктории и кивнул Мальбонте.

Виктория вместе с мужем проводила гостей до ворот. Прощаясь с Мими, она крепко прижала подругу к себе, чувствуя искреннюю грусть от предстоящего расставания. Люцифер же ограничился легким поклоном и коротким рукопожатием с Мальбонте, после чего друзья скрылись в ночной мгле Ада.

Оставшись одни, супруги медленно пошли обратно в жилые покои. Тишина замка снова сомкнулась вокруг них, но теперь она была иной — больше не гнетущей, а уютной и сонной. Виктория чувствовала приятную тяжесть в теле и теплого спокойствия в душе.

— Спасибо тебе за это, — тихо сказала она Мальбонте, когда они вошли в свою спальню.

Он ничего не ответил, но его рука тяжело и властно легла ей на талию, притягивая ближе к себе. В полумраке комнаты его глаза блеснули темным, нетерпеливым огнем. Виктория почувствовала его горячее дыхание на своей щеке и закрыла глаза, отдаваясь этому моменту абсолютной близости.

Мальбонте резко развернул её к себе, с силой вжимая в стену. Его пальцы впились в её бедра, задирая ткань платья вверх, а в глазах вспыхнул властный, почти хищный блеск, который он никогда не демонстрировал при других.

— На колени, — коротко и жестко приказал он, даже не глядя на неё.

Виктория послушно опустилась вниз, чувствуя, как холодный мрамор обжигает кожу, а его тяжелый взгляд пригвоздил её к месту. Она потянулась к нему, расстегивая пуговицы его одеяния дрожащими пальцами, пока он стоял над ней, высокая и непоколебимая тень, контролирующая каждое её движение. Когда она взяла его в рот, Мальбонте глухо застонал, запустив пальцы в её волосы и сжимая их с силой, граничащей с грубостью.

Его движения стали резкими, лишенными привычной сдержанности; он не просил, он забирал то, что принадлежало ему по праву. Виктория задохнулась от напора, но не отстранилась, принимая его жадность как высшее признание её значимости для него.

Когда он рывком поднял её на ноги и швырнул на кровать, простыни зашуршали под их общим весом. Мальбонте навис сверху, придавливая её своим массивным телом, и впился в её губы требовательным, почти болезненным поцелуем. Он не церемонился: одежда была сброшена на пол одним резким движением, оставляя их обнаженными в холодном полумраке спальни.

Он вошел в неё одним мощным толчком, заставив Викторию выгнуться дугой и вцепиться ногтями в его плечи. Мальбонте двигался ритмично и тяжело, без тени мягкости или сомнений; каждый его толчок был отмечен печатью собственности. Он не спрашивал её согласия — он знал, что она принадлежит ему полностью, до последнего вздоха.

Виктория всхлипнула, когда он перехватил её запястья и прижал их над головой к подушке. Его лицо было непроницаемым, но в каждом резком движении, в каждом глухом выдохе сквозь стиснутые зубы читалась неистовая страсть, которую он позволял себе проявлять только здесь, за закрытыми дверями их комнаты. В этом грубом акте была его истинная любовь — бескомпромиссная и ошеломляющая.

Глава 2

Холодный камень пола обжигал ступни, но Виктория не обращала на это внимания. Она медленно поднялась по ступеням к массивному трону, который в утреннем полумраке казался огромным и чужим. Усевшись в глубокое кожаное кресло, она обхватила себя руками, чувствуя, как по спине пробежал озноб от сквозняка, гулявшего по пустому залу. Здесь, в тишине, которая обычно принадлежала только Мальбонте, ее мысли стали особенно четкими и тяжелыми.

Она смотрела на тяжелые занавеси, которые едва пропускали первые лучи солнца, и думала о том, как странно переплелись их жизни. Быть тенью великого правителя означало не только разделять с ним постель и дом, но и нести на своих плечах часть того груза, который он отказывался сбрасывать. Ее любовь была его единственным якорем в мире, где предательство считалось нормой, а жестокость — инструментом власти.

Когда двери тронного зала распахнулись и появились первые горожане, Виктория выпрямила спину. Ее лицо приняло привычное выражение спокойного достоинства, хотя внутри все еще дрожало от утренней меланхолии. Она не была королевой по праву рождения, но статус жены Ада давал ей право голоса — или, по крайней мере, право быть услышанной теми, кто пришел просить милости или справедливости.

Первым к подножию трона подошел пожилой мужчина с опущенной головой; в руках он сжимал потертый свиток. Виктория слегка кивнула ему, призывая начать. В этот момент она почувствовала всю тяжесть ответственности: каждое ее слово теперь могло изменить чью-то судьбу так же легко, как Мальбонте одним жестом решал вопросы жизни и смерти.

Слушая жалобы на недород и споры между соседями из нижнего города, она ловко лавировала между строгостью и милосердием. Ей приходилось быть твердой там, где горожане пытались обмануть или выпросить больше положенного, и мягкой там, где нужда была истинной. Она знала, что муж оценит ее способность держать дела в порядке до его пробуждения, но в то же время эта роль заставляла ее чувствовать себя чужой в собственном доме.

Время тянулось медленно. Виктория прислушивалась к шуму собственного сердца, которое билось ровно и спокойно, несмотря на нарастающее напряжение в зале. Она знала, что скоро Мальбонте проснется и придет сюда — и тогда весь этот искусственный порядок рухнет, уступив место его воле. До этого момента она была единственным законом в этом зале, единственной силой, способной смягчить гнев или дать надежду тем, кто был безнадежен.

Двери распахнулись с тяжелым стуком, и по залу прокатился шепот. Мальбонте шел медленно, его темный плащ развеивался, словно живая тень, поглощающая свет утреннего солнца. Горожане мгновенно замолкли, склоняясь в глубоком поклоне, а Виктория почувствовала, как знакомое тепло разливается по телу от одного его присутствия. Мрачное выражение его лица смягчилось, когда он заметил жену, и в глубине темных глаз мелькнула искра нежности, доступная только ей одной.

Он поднялся на помост, игнорируя всех вокруг, и остановился прямо перед ней. Мальбонте на мгновение положил руку ей на плечо, и Виктория ощутила его силу — спокойную, но неодолимую. Затем он наклонился и запечатлел на ее губах долгий, собственнический поцелуй, который заставил ее сердце забиться быстрее. Голоса в зале окончательно стихли; теперь все ждали только его решения.

— Ты справились с ними? — тихо спросил он ей на ухо, отстраняясь с легкой улыбкой.

Виктория кивнула, чувствуя себя защищенной в его руках. Мальбонте уселся в трон и, не раздумывая, притянул ее к себе, усаживая на свои колени. Она привычно устроилась в его объятиях, положив голову ему на плечо. Теперь они сидели вместе — властная тень и ее свет, готовые принимать людей и решать их земные проблемы.

— Продолжайте, — сухо бросил Мальбонте в сторону замерших горожан. Его голос звучал грубо и властно для всех остальных, но рука, обнимавшая Викторию за талию, сжимала ее осторожно и бережно.

Она слышала ритм его сердца под пальцами и знала: пока он рядом, никакой хаос не сможет разрушить их мир. Вместе они рассматривали прошения, спорили о налогах и распределении ресурсов, где Виктория сглаживала его резкость своим спокойным голосом, а он — создавал фундамент из железа и воли. Она была единственным существом в этом дворце, кто мог позволить себе перебить его рассуждения или поправить его решение одним коротким взглядом.

Стук маленьких босых ног эхом разнесся по каменному полу тронного зала, заставив Мальбонте мгновенно сосредоточиться. Ариэла и Каин, в своих мягких ночных сорочках и с растрепанными волосами, вбежали к родителям, смеясь и перебивая друг друга. Горожане поспешно расступились, освобождая путь детям, которые, не обращая внимания на серьезность момента, с разбегу бросились к Виктории.

— Мама! — хором воскликнули они, хватаясь за ее платье и требуя внимания.

Виктория с мягкой улыбкой обняла их, чувствуя знакомый запах сна и тепла. Она взглянула на мужа; его суровое лицо окончательно разгладилось, а в глазах появилось выражение бесконечной любви. Мальбонте даже не попытался прогнать их или потребовать соблюдения этикета — в присутствии детей его мрачность бесследно исчезала, оставляя лишь заботливого отца.

— Пойдемте, мои хорошие, — тихо произнесла Виктория, аккуратно поднимая детей на ноги. — Пора умыться и одеться.

Она осторожно увела их из тронного зала, оставив Мальбонте завершать дела с горожанами. В ванной комнате воцарилась привычная суета: плеск воды, детский смех и легкие споры о том, кто первый будет чистить зубы. Виктория терпеливо умывала каждого ребенка, расчесывала их спутанные волосы и помогала застегивать пуговицы на свежей, чистой одежде, стараясь сделать их вид безупречным.

Когда дети были одеты и причесаны, она взяла их за руки и повела по широким коридорам дворца в сторону кухни. По пути они весело переговаривались о планах на день, а Виктория слушала их с той нежностью, которую могла позволить себе только здесь, вдали от глаз подданных и политических интриг.

На кухне ее ждал завтрак. Виктория ловко разложила по тарелкам горячие каши с ягодами и налила детям молока в высокие стаканы. Она присела рядом с ними, наблюдая за тем, как жадно они едят, и в этот момент чувствовала, что именно это — ее истинная власть и самая важная миссия в этом холодном замке.

Дверь кухни с шумом распахнулась, и в комнату вошел Мальбонте. Он выглядел уставшим — за короткое время разбор жалоб и споров выпил из него все силы, но, увидев жену и детей, он заметно расслабился. Подойдя к столу, он потрепал сына по волосам и притянул Ариэлу к себе, чтобы быстро поцеловать в макушку.

— Опять ссоритесь из-за этого яблока? — негромко произнес он, присаживаясь рядом с Викторией.

— Нет, папа! — в унисон воскликнули дети, одновременно застыв с ложками в руках.

Мальбонте бросил на жену ироничный взгляд, в котором читалась немая просьба о помощи. Виктория с легким смехом поправила воротник его рубашки и пододвинула к нему тарелку с завтраком. Она знала, что даже за столом он остается настороженным, привыкшим ждать удара в спину, но здесь, в кругу семьи, его плечи постепенно опускались.

— Перестаньте мучить отца, — строго, но с любовью заметила она, обнимая детей за плечи. — Покушайте спокойно. Сегодня у нас много дел, а папе нужно восстановить силы.

Мальбонте взял ее за руку под столом, переплетая свои пальцы с ее. Его ладонь была прохладной и жесткой, но хватка — уверенной. В этот простой жест он вложил всё то, что не мог сказать словами: признательность за тепло, которое она приносила в его жизнь, и негласную просьбу никогда не оставлять его одного в этой темноте.

Когда завтрак был закончен, Виктория отвела детей в детскую и передала их на попечение няне. Она долго целовала их на прощание, стараясь запомнить каждую черточку их сонных лиц, прежде чем закрыть дверь и вернуться в реальность, где ее ждали обязанности жены правителя.

В гардеробной она замерла перед зеркалом, выбирая платье. Сегодняшний визит в Рай не допускал никакой небрежности — собрание Высших сил требовало безупречности, которая должна была ослеплять и подавлять. Она выбрала платье из тяжелого шелка глубокого изумрудного цвета, которое облегалу фигуру, подчеркивая каждый изгиб, и дополняла его длинным шлейфом, шуршащим по полу при каждом шаге.

Она тщательно расчесала волосы, позволяя им мягкими волнами падать на спину, и нанесла несколько капель любимых духов с нотками жасмина и сандала. Тонкий слой пудры, аккуратно подчеркнутые глаза и глубокий красный цвет губ — теперь она выглядела именно так, как полагалось женщине, идущей рядом с самым могущественным мужчиной в мире.

Мальбонте ждал ее внизу. Когда она спустилась по широкой лестнице, его взгляд заставил ее сердце забиться чаще. Он оценивающе осмотрел ее с ног до головы, и в его темных глазах вспыхнуло откровенное восхищение, смешанное с собственническим огнем.

— Ты выглядишь так, что даже ангелы позабудут о своем совершенстве, — тихо произнес он, подходя ближе.

Его рука легла на ее талию, притягивая к себе. Виктория почувствовала знакомый аромат его кожи и металла — запах власти и опасности. Она улыбнулась ему, чуть склонив голову набок.

— Это всего лишь одежда, — ответила она, коснувшись пальцами его щеки.

— Нет, это ты делаешь одежду красивой, — он перехватил ее руку и запечатлел короткий, но властный поцелуй на ладони. — Идем. Нас ждут.

Портал в Рай распахнулся перед ними с оглушительным звоном, обдавая прохладой и запахом весенних цветов. Виктория невольно зажмурилась от избытка света, который здесь, в обители Шепфа, никогда не угасал. Мальбонте сжал ее руку крепче, и она почувствовала, как его тело напряглось; он не любил это место, его святость и стерильность всегда вызывали у него глухое раздражение.

Они шли по белоснежной мостовой к величественному дворцу, где уже собрались остальные представители небесных островов. Лица встречаемых были омрачены; привычное спокойствие Рая сменилось тревожным шепотом и переглядываниями. Когда супруги вошли в главный зал, разговоры стихли. В центре, на возвышении, стоял Шепфа — его облик был величественным, но в глазах читалась несвойственная ему усталость и тревога.

— Вы прибыли, — голос Шепфа эхом разнесся под высокими сводами, заставляя всех присутствующих выпрямиться. — Благодарю за оперативность. Дело не терпит отлагательств.

Мальбонте холодно скрестил руки на груди, бросив короткий взгляд на собравшихся правителей. — Мы слушаем. Что за «проблемы мирового уровня» заставили вас собрать нас всех здесь, в одно время?

Шепфа тяжело вздохнул и обвел взглядом зал. — Мы столкнулись с тем, что долгое время считали невозможным. В городах нижнего мира растет недовольство. Не просто разрозненные бунты или споры о налогах — по всей системе распространяется идейное противостояние. Нас обвиняют в тирании, в том, что мы забыли о тех, кто поддерживает жизнь наших островов.

— Недовольные всегда найдутся, — процедил Мальбонте, и в его голосе прозвучал металл. — Вопрос лишь в том, насколько они организованы.

— Они организованы достаточно, чтобы начать войну, — жестко ответил Шеффа. — Горожане с нескольких островов объединились. Они больше не просят милости — они требуют равных прав и пересмотра всего нашего порядка. Это уже не просто беспорядки; это полноценный мятеж, который грозит охватить весь Рай и соседние миры. Если мы не найдем способ подавить или интегрировать их сейчас, мы потеряем всё.

— Мы должны отправиться туда сами, — произнесла Виктория, отделившись от мужа и сделав шаг вперед. Ее голос, несмотря на мягкость, звучал отчетливо в воцарившейся тишине. — Если мы просто отправим карательные отряды, это только усилит ненависть. Нам нужно выслушать их, найти способ договориться, пока всё не превратилось в пепелище.

Мальбонте резко развернулся к ней, и в его взгляде вспыхнуло холодное пламя. Лицо окаменело, а губы сжались в жесткую линию. — Договориться? — переспросил он с явным недоверием. — С теми, кто поднял руку против порядка? Ты слишком добра, Виктория. Мир таких людей — не слова, а сила.

— Сила может остановить бунт, но не закончит его, — возразила она, глядя ему прямо в глаза. — Если мы пойдем туда с намерением уничтожить, мы уничтожим и то, что пытаемся сохранить. Позволь мне поехать. Я смогу найти с ними общий язык, я смогу понять, чего они хотят на самом деле.

Мальбонте смерил её долгим, тяжелым взглядом, словно взвешивая каждое её слово на весах. В зале повисла гнетущая пауза; другие правители затаили дыхание, ожидая его реакции. Наконец он сделал шаг к жене и обхватил ее лицо ладонями, заставляя смотреть только на него.

— Нет, — отрезал он, и его голос стал ещё более хмурым. — Я не допущу этого. Ты останешься здесь, в безопасности. В бой отправляются солдаты, а не те, кто заслуживает защиты. Я не позволю тебе рисковать собой из-за кучки фанатиков, возмнивших себя равными нам.

Виктория попыталась высвободиться, но его хватка стала крепче, хотя в ней всё ещё чувствовалась нежность. Она видела, как напряжены его плечи, как глубоко засело в нем желание оградить ее от любой возможной опасности. Но она также знала, что за этой заботой скрывается страх потери — тот самый страх, который делал его уязвимым и одновременно таким человечным.

— Ты не понимаешь, что они чувствуют, — тихо, но твердо произнесла Виктория, глядя прямо в его темные глаза. — Если ты не дашь им надежды, они уничтожат всё, что мы построили. Позволь мне пойти.

Мальбонте молчал, и его молчание казалось тяжелее самого мрака. В зале воцарилась такая тишина, что стало слышно дыхание стоящих вокруг правителей. Он медленно отпустил ее лицо, но не отошел, продолжая заслонять собой всё пространство вокруг нее, словно живая стена.

— Ты готова к тому, что увидишь? — наконец спросил он, и в его голосе прозвучала непривычная горечь. — Там нет блеска залов и шелковых тканей. Только грязь, ненависть и кровь тех, кто посмел восстать.

— Я готова увидеть всё, — ответила она, прижимаясь к нему всем телом. — Потому что я люблю тебя и нашу семью больше, чем собственный комфорт.

Мальбонте закрыл глаза, глубоко вдохнул и медленно кивнул. Его пальцы сжали ее ладонь так сильно, что она почувствовала легкую боль, но не шевельнулась. Он не хотел ее отпускать; она была его единственным якорем в этом бесконечном потоке хаоса и борьбы, и мысль о том, что она окажется в эпицентре бунта, вызывала у него глухое рычание внутри.

— Хорошо, — выдавил он сквозь зубы. — Но ты будешь под моей личной охраной каждую секунду. Если я почувствую хоть малейшую угрозу для тебя — мы немедленно вернемся назад, и никакие твои доводы меня не переубедят.

Виктория облегченно выдохнула и прижалась к его груди, чувствуя, как напряжение в его теле постепенно сменяется привычным спокойствием. Она знала: теперь решение принято

окончательно. И теперь ей предстояло доказать мужу — и всему Раю — что милосердие может быть таким же эффективным оружием, как и меч.

Глава 3

Виктория тяжело вздохнула, стараясь сдержать улыбку, пока Ариэла вцепилась в её платье, а Каин требовательно тянул за руку. Она осторожно высвободилась, приседая перед ними на корточки. Её голос звучал мягко и успокаивающе, когда она запечатлела по короткому поцелую на лбу каждого из детей, шепотом повторяя, что скоро вернётся.

— Слушайтесь папу, хорошо? — Она подняла взгляд на мужа, в котором читалась и лёгкая тревога, и бесконечная любовь.

Мальбонте шагнул вперед, его массивная фигура на мгновение заслонила солнечный свет, льющийся в комнату. Он обнял жену, притягивая к себе и вдыхая знакомый аромат её волос. Его руки сжали её плечи крепко, но бережно, а голос, обычно мрачный и резкий для окружающих, сейчас звучал почти интимно.

— Я буду рядом, — прошептал он ей в самое ухо, обжигая дыханием кожу. — Мой отряд будет сопровождать тебя по следу. Если почувствуешь хоть малейшую опасность или просто захочешь вернуться — только подай знак. Я прилечу быстрее, чем ты успеешь испугаться.

Виктория прижалась к нему, чувствуя его силу и негласное обещание защиты. В этом жесте была вся его преданность: он не пытался запретить ей лететь, не пытался ограничить её свободу, но делал всё, чтобы она знала — она никогда не будет одна.

— Я справлюсь, — тихо ответила она, отстраняясь и забирая свои вещи.

Мальбонте проводил её взглядом до самого порога, его глаза потемнели от невысказанного беспокойства. Лишь когда дверь за ней закрылась и послышался шум поднимающегося в небо корабля, он переключил внимание на детей, которые уже начали шумно спорить между собой. В его взгляде всё ещё читалась тень тревоги; он знал, что теперь его единственной задачей станет ждать её возвращения.

Виктория сидела в каюте, глядя в иллюминатор на бесконечное море облаков. Корабль мерно вибрировал, разрезая воздух и неуклонно сокращая расстояние до островов. Время тянулось медленно, превращаясь в вязкий кисель из тревожных мыслей и предвкушения. Она то и дело поправляла складки одежды, стараясь занять руки чем-то, кроме беспокойного перебирания пальцев.

Командир корабля возник в дверях каюты, его лицо было сосредоточенным и беспристрастным. Он коротко кивнул ей, обозначая уважение, но в его голосе слышалась привычная сухость.

— Мы почти на месте, госпожа. Подготовьтесь к высадке.

Виктория поднялась, чувствуя, как сердце забилось быстрее. Она вспомнила обнимающего её Мальбонте, его низкий голос и обещание защиты. Сейчас он был далеко, за сотни миль отсюда, но она всё ещё ощущала его невидимое присутствие, словно тень, которая будет следовать за ней до самого конца.

Выйдя из каюты, она направилась к стартовой площадке, стараясь идти уверенно. Солдаты из отряда мужа, распределенные по кораблю, приветственно кивали ей; их взгляды были серьезны, но в них читалась та же преданность, что и в глазах Мальбонте. Они были его руками и глазами здесь, её личной охраной в этом чужом и опасном краю.

Когда люк открылся и в лицо ударил влажный ветер, Виктория глубоко вдохнула, прикрыв глаза. Острова уже виднелись впереди — зелёные вершины, утопающие в белом дыме водопадов и густых лесах. Там, внизу, её ждали ответы, которые могли изменить всё.

Корабль начал снижение, плавно закладывая вираж к одной из прибрежных равнин. Виктория вышла на край площадки, вглядываясь в изумрудную зелень, когда тишину внезапно разорвал резкий, оглушительный грохот. Залповый огонь с земли заставил корпус судна

содрогнуться; один из двигателей вспыхнул, и корабль резко закренился, бросая людей на стены и переборки.

Повсюду слышались крики и грохот металла. Виктория едва успела ухватиться за поручень, когда очередной залп пробил обшивку рядом с ней. Командир корабля пытался что-то прокричать, но его голос заглушил новый взрыв, который окончательно лишил судно равновесия. Слышался скрежет разрываемого металла, и корабль, теряя высоту, рухнул вниз, сминая всё на своем пути.

Когда дым и пыль осели, Виктория открыла глаза. Она лежала среди обломков, чувствуя едкий запах гари и слыша лишь звенящую тишину. Вокруг неё застыли несколько тел солдат и членов экипажа — неподвижные, с остекленевшими взглядами. Ни единого живого звука; только ветер лениво перебирал обрывки ткани и листы бумаги, разбросанные по песку.

Она медленно поднялась, ощущая, как внутри неё пробуждается сила. В груди вспыхнул свет — чистый, ослепительно белый, он хлынул из её ладоней, разгоняя густой дым и окутывая обломки корабля сияющим ореолом. Свет управляемый её вперед, освещая путь через завалы к темной линии леса, где в зарослях мелькали тени вооруженных людей.

Виктория вышла на открытое пространство, подняв руки вверх. Свет вокруг неё стал плотным, создавая вокруг её фигуры сияющий щит, который заставил нападавших замереть и опустить оружие. Она смотрела прямо на них — не с гневом, а с глубокой скорбью и решимостью.

— Остановитесь! — Её голос, обычно нежный и тихий, теперь звучал чисто и властно, перекрывая шум джунглей. — Я не хочу больше крови. Давайте обсудим мирное соглашение, пока ещё есть с кем говорить.

Среди замерших фигур мелькнуло движение. Один из демонов, с изуродованным шрамами лицом, выступил вперед, сжимая в руках тяжелый клинок. Его глаза горели ненавистью и недоверием, а губы искривились в презрительной усмешке.

— Ты лжешь! — взревел он, замахиваясь оружием. — Ваше «соглашение» — лишь способ затянуть время, чтобы ваши корабли успели высадить здесь всю армию! Вы приходите сюда, чтобы забрать наши земли, а теперь играете в милосердие?

Демон сделал резкий шаг вперед, оружие было направлено прямо в неё, но она даже не вздрогнула. Она продолжала стоять спокойно, её свет не угас, а лишь стал мягче, обволакивая всех вокруг теплым сиянием.

— Я здесь не для того, чтобы забирать, — тихо, но отчетливо произнесла она, глядя прямо в глаза разъяренному демону. — Я пришла предложить помощь. Вашим раненым, вашим детям. Если вы продолжите сражаться, терять будут и те, и другие.

Все переглянулись. Напряжение в воздухе стало почти осязаемым; казалось, одно лишнее движение — и лес вновь взорвется криками и звоном стали. Один из ангелов, стоявший чуть поодаль с окровавленным крылом, попытался подняться, опираясь на обломок фюзеляжа. Его взгляд встретился со взглядом Виктории — в нём читалась немая просьба и робкая надежда.

— Мы поможем всем, кому это нужно, — повторила она, делая шаг навстречу демону. — Независимо от того, кто вы и с какой стороны оказались в этой войне.

Демон замер, его рука с мечом дрогнула. Впервые за всё время он увидел перед собой не врага или захватчика, а кого-то, чья доброта была настолько искренней, что становилась пугающей. Он медленно опустил оружие, и по рядам его воинов прокатилась волна нерешительного шепота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.